УДК 94:332(571.53)
ББК 63.3(28-8Ирк)531
DOI 10.31554/2222-9175-2021-44-39-44

Т. Е. Санжиева

ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ БУРЯТ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1900–1923 гг.

Рассматривается решение земельного вопроса, остро стоящего перед бурятским населением Иркутской губернии, попытки его решения первыми национальными органами управления – Иркутским отделом Бурнацкома, Бурревкомом Бурят-Монгольской автономной области.

Ключевые слова: Иркутская губерния, землепользование, бурятское население, Иркутский отдел Бурнацкома, Бурят-Монгольская автономная область.

T. E. Sanzhieva

LAND USE PROBLEMS OF BURYATS OF THE IRKUTSK PROVINCE IN 1900–1923

The article examines the solution of the land problem, acute for the Buryat population of the Irkutsk province, and attempts to solve it by the first national governing bodies – the Irkutsk department of the Burnatskom and Burrevkom of the Buryat-Mongolian Autonomous Region.

Keywords: Irkutsk province, land use, Buryat population, Irkutsk department of Burnatskom, Buryat-Mongolian Autonomous Region.

Государственная земельная политика начала XX в. значительно сократила землепользование бурят Иркутской губернии. Бурятское хозяйство издревле было основано на широких земельных просторах, поэтому землеустроительные работы стали угрозой для их этнического самосохранения.

Изменение традиционного типа хозяйства началось с появлением русских крестьян, которые привезли с собой свой тип хозяйствования. «Первыми, – пишет М. Н. Богданов, – примерно в 1795 г., стали заниматься земледелием хоринские буряты. Затем земледелие появилось у идинских, кудинских и аларских бурят» [1905: 282]. Последними среди предбайкальцев начали пахать землю тункинские буряты. Соответственно размеры скотоводческого хозяйства у них стали сокращаться. В этом плане хозяйства предбайкальских и забайкальских бурят стали отличаться друг от друга. Поскольку земли в Предбайкалье были пригодны для занятия земледелием, то на них осело большинство переселенцев из Европейской России.

Земля находилась в собственности государства, сельское население было ее арендатором. Арендные отношения позволяли «... изымать необходимое количество земли в колонизационный фонд, а также увеличивать сборы государственной оброчной подати за пользование землей» [История Бурятии 2011: 10]. Оседлые буряты получали земельные наделы в пользование совместно со своим родом или селением. При этом рядом могли жить кочевые буряты.

В «Общем положении о крестьянах» П. А. Столыпин указывал, что нужно проявлять осторожность при определении разряда инородцев, не принявших до конца оседлые формы. Однако иркутская администрация не учитывала это и переводила в их разряд оседлых [Серебренников 1925: 33]. По этой причине приводятся противоречивые данные: 90,9 % бурят Иркутской губернии занимались земледелием, 5,9 % – скотоводством и 1,5 % – промыслами [Там же: 56]; по переписи 1887–1889 гг. было 18965 коче-

САНЖИЕВА Татьяна Ефремовна – доктор исторических наук, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: sanj_te@mail.ru.

вых хозяйств и 2161 оседлое хозяйство [Серебренников 1925: 46]. По контексту можно понять, что на с. 56 приведены данные 1897 г. Кутульские, еланцинские и ольхонские буряты были рыболовами, окинские – скотоводами и охотниками. По данным переписи 1895 г., в Кутульском и Еланцинском ведомствах было всего 238 дес. пахотной земли [Бурят-Монгольская автономная область... 1922: 42].

Государственная политика по распространению земледелия среди предбайкальских бурят в течение XIX в. не увенчалась особым успехом. В начале XX в. многие буряты продолжали иметь скотоводческое хозяйство. Кроме того, в хозяйствах бурят, перешедших на земледельческий тип, оставалось много скота, которому требовались пастбищные и сенокосные угодья. «Иркутские буряты не представляют однородного целого: здесь мы наблюдаем целый ряд переходных ступеней от скотоводческо-звероловческого быта к быту земледельческому» [Богданов 1908а № 29–30: 63].

Бурятское хозяйство не смогло стать чисто земледельческим, как того добивалась государственная политика. По данным всеобщей переписи 1887–1889 гг., у бурят было в 2,3 раза больше скота, чем у крестьян-старожилов [Серебренников 1925: 106]. Распространение земледелия привело к сокращению за 1887–1916 гг. общего количества скота у бурят Иркутской губернии. Предбайкальские буряты кочевали два раза в году: на летники и на зимники. Как пишет И. И. Серебренников, такое кочевание не имеет такого значения, «какое имеет постоянная перемена места... покидающего одно место по мере истощения на нем средств существования для себя и скота... оно не может быть приравнено к тем передвижениям из деревень на заимки, которые делают многие сибирские крестьяне во время разных сельскохозяйственных работ» [Там же: 79]. Тем не менее передвижения, хоть и незначительные, свидетельствуют, что у предбайкальских бурят был скотоводческо-земледельческий тип хозяйства.

По сравнению с забайкальскими бурятами, в Иркутской губернии наблюдалось земельное стеснение из-за большей численности прибывших русских крестьян. Согласно подсчетам М. Н. Богданова, русские крестьяне имели больше земли, чем буряты, из-за отходничества первых. Поземельно-устроительные правила от 4 июня 1898 г. определяли наделы на селения и общества по 15 дес. на наличную душу мужского пола. При этом правила предписывали считать временно отсутствующими лица, которые ежегодно получали вид на жительство в своем селении. В результате русские селения и общества получали большие наделы, по сравнению с постоянно живущими на месте бурятами. Русский работник Иркутского и Верхотурского уездов имел в своем распоряжении в 1,8 раза больше земли, чем его сосед-бурят, в Балаганском уезде – в 1,5 раза больше. «На одного взрослого работника м. п. в Укырском вед. придется 29,6 дес., тогда как в русских волостях Балаганск. уезда – 43,5 дес. На одну голову в Укыр. вед. придется 3½ дес., тогда как в русских волостях того же уезда – 6,3 дес. Отсюда видно, что даже наиболее земледельческие ведомства ни в коем случае нельзя приравнивать к русским волостям» [Богданов 1908б № 31–32: 48–50].

Кардинальные изменения в землепользовании бурят произошли с началом землеустроительных работ. По плану к ним предполагалось приступить в 1898 г., но по ходатайству 17 бурятских ведомств землеустройство было приостановлено для «дополнительных исследований тех сторон бурятского быта, которые не были с достаточной полнотой изучены при местном подворном обследовании сельского населения в 1887–89 годах», но когда «окончательно выяснилось, что в Иркутской губернии этот фонд всего скорее может быть образован из бурятских земель, землеустроительные работы у бурят были поставлены сразу в больших размерах» [Серебренников 1925: 206–207].

Землеустройство бурят проводилось, так же как у крестьян-старожилов, по закону от 4 июня 1898 г. – по 15 дес. Эта норма земельного надела была принята без необходимого анализа и обоснования и «противоречила всему хозяйственному укладу бурят» [Национальное движение... 1994: 13]. Земельно-устроительный закон от 23 мая 1896 г. допускал, исходя из местных условий, выделять более 15 дес. земли. Однако чиновники не обращали на это внимания и проблема с землей для бурятского населения только ухудшалась. Помимо необъективного землеустройства проблема землепользования

усугублялась вследствие постоянных государственных изъятий и самовольных захватов русскими крестьянами земель бурят.

Землеустроительные работы начались в 1907 г. По Плану работ переселенческого управления на 1908 г. предполагалось выделить 235 тыс. дес. удобной земли под переселенческие участки, из них 135 тыс. дес. в Балаганском уезде. Государственному отчуждению подвергались «предвидимые с достаточной вероятностью излишки в землепользовании инородцев». Причем создание переселенческих участков в Иркутской губернии обходилось казне дороже, чем в других районах Сибири [Богданов 1908в: 26–27]. Там, где действительно отрезались излишки, буряты не проявляли недовольства. Например, когда в 1907 г. у бурят Унгинского ведомства Балаганского уезда отрезали 1500 дес. земли, они не выразили протеста, поскольку этими землями они пользовались раз в 10 лет [Он же 1908а, в]. В тех ведомствах, где землеустроительные работы затронули основы жизнедеятельности населения, буряты выступили с требованием о приостановке работ или увеличении наделов. Больше всех колонизационных участков было выделено на землях аларских бурят – 163, боханских – 148 и эхирит-булагатских – 42 участка. Из этих участков были заняты 15,7 %, соответственно свободными оставались 84,3 % [Бурят-Монгольская автономная область... 1922: 39]. В местах расселения бурят Иркутской губернии земли были заняты бурятами, русскими крестьянами, переселенческими участками и большая часть земли (75 %) представляла пустопорожние государственные земли и леса [Там же: 38].

Земельная политика царского правительства целенаправленно ухудшала землепользование бурят, чтобы перевести их на земледельческий тип хозяйства. Переселенческие земли вклинивались узкими и длинными полосами в бурятские, или переселенческие участки отводились внутри бурятских наделов. Создававшаяся чересполосица создавала конфликтные ситуации между бурятами и русскими.

Земельные споры стали одной из главных причин активизации национального движения. В августе 1905 г. общегубернский съезд предбайкальских бурят по земельному вопросу вынес решение: «Все находящиеся в фактическом пользовании инородческого населения земли с лесами, водами и недрами должны быть переданы в полную собственность соответствующих инородческих ведомств» [Хаптаев 1942: 137]. Делегаты потребовали отменить законы о частном землевладении 1902 г., а землеустроительные работы приостановить.

Требования возвращения изъятых земель иногда доходили до открытых столкновений. Особенно часто эти явления происходили в Иркутской губернии. Решение этой проблемы взял на себя Бурнацком и его Иркутский отдел. Единственный выход из создавшегося положения Бурнацком видел в автономии бурят. В апреле 1917 г. прошел съезд бурят Иркутской губернии, на котором отмечалось, что чересполосица бурятских, переселенческих и старожиловских земель привела к появлению смешанных переселенческо-бурятских волостей. «...землеустройство иркутских бурят было превращено в простой грабеж... У бурят отнимались большие пространства возделанных земель и унавоженных угугов» [Национальное движение... 1994: 13]. Съезд вынес решение о необходимости возвращения всех земель, находящихся в фактическом пользовании бурят до землеустройства, и передаче в пользование бурят пустопорожних и не заселенных переселенческих участков, а также церковных наделов, прекращении выдачи отводных записей и приостановлении переселения на участки, образованные из бурятских земель. Съезд поручил комиссии по подготовке к выборам в Учредительное собрание взять на себя работу по собиранию материалов о землепользовании и землеустройстве иркутских бурят [Там же: 13–14].

Положение с землеустройством было настолько тяжелым, что вызвало неподчинение Иркутского отдела Бурнацкома решениям общенационального съезда (октябрь 1917 г.). На 3-м съезде бурят Иркутской губернии, состоявшемся в ноябре 1917 г. в г. Иркутске, с докладом о земельном вопросе выступил М. Н. Ербанов [ГАРБ. Ф. 438. Оп. 1. Д. 48. Л. 185]. Съезд повторил требование возвратить земли фактического пользования бурят, изъятые под переселение и в казну. В ответ на это Центральный бурятский

комитет направил обращение Иркутскому отделу Монголо-бурятского центрального комитета, в котором говорилось, что на октябрьском Верхнеудинском общенациональном съезде было принято решение: «Не допускать земельных захватов ни с чьей стороны, как действий, влекущих за собой анархию, и подчиниться по земельному вопросу решению Учредительного собрания» [Национальное движение... 1994: 87]. Бурнацком в этих условиях свою политику выстроил на основе экономической целесообразности и справедливости, а не на соображениях правового или исторического характера. Бурнацком отметил, что земельный вопрос благодаря «преувеличенному и неверному представлению о наших земельных излишках со стороны крестьянства и целому ряду исторических условий приобрел весьма обостренный характер» [ГАРБ. Ф. 438. Оп. 1. Д. 4. Л. 94].

Земельный вопрос мог успешно решиться только при административной поддержке, поэтому лидеры национального движения боролись за введение автономии в управлении бурятами. Новую систему администрации они видели в земстве. Иркутская губернская по земским делам комиссия по выборам в Учредительное собрание подготовила доклад, датированный не ранее 8 ноября 1917 г., в котором говорится об образовании трех аймаков в пределах Иркутской губернии: Ангарского, Эхирит-Булагатского и Тункинского [Там же: 85–86]. В аймаки вошло только бурятское население. В каждом аймаке были созданы земельные отделы, которые должны были следить за землеустройством бурятского хозяйства. Фактически создание аймаков как административно-хозяйственных единиц прошло в январе – феврале 1918 г. при поддержке советской власти [Бурят-Монгольская автономная область... 1922: 11].

Установление советской власти в Иркутске изменило политическую обстановку. С одной стороны, исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири признал автономию бурят, но с другой стороны – борьба Центросибири с Бурнацкомом вылилась в борьбу с национально-государственной автономией бурятского народа, в отрицание права бурят на национальное самоопределение [Бабаков 2012: 96]. Иркутский отдел Бурнацкома признал новую власть, но при условии сохранения «существующих национальных органов управления» [Национальное движение... 1994: 104]. Советская власть признала права бурят, но фактически на местах под видом национализации производился захват бурятских земель. Так, по докладу представителя Верхне-Аларской управы, в окрестностях Троицкого завода проходят грабежи и разбои бурятских хозяйств, производимые рабочими-красногвардейцами завода. Бурнацком и губернские земские гласные от бурятского населения в совместном заседании решили обратиться в советские органы власти. В течение шести месяцев существования советская власть не успела провести земельную реформу на основе Закона о социализации земли. Захваты земли стали повсеместными и постоянными.

Начавшаяся гражданская война усугубила положение бурятского населения. Декрет колчаковского правительства разрешал изъятие бурятских земель в личную собственность генералов, офицеров и казаков, проведение реквизиции хлеба, лошадей, увеличение налогов. Правительство А. В. Колчака пыталось уничтожить аймаки как порождение советской власти, но твердая позиция Бурнацкома позволила их сохранить.

После окончания гражданской войны на территории, населенной бурятами, началось национально-государственное строительство. 10 марта 1920 г. Селенгинский аймак был разделен на две части. Установлением границы занимался реввоенсовет пятой Красной армии [Шулунов 1972: 58]. Граница прошла по реке Селенге: левобережная часть была включена в состав Иркутской губернии, в нее вошли Оронгойский, Селенгинский, Сартало-Гегетуйский, Закаменский и Кудара-Бурятский хошуны.

В ходе подготовительного этапа прошел ряд съездов, на которых требования бурят о земле стали меняться. На учредительном съезде бурят Восточной Сибири, прошедшем 28 октября – 5 ноября 1921 г. в г. Иркутске и решавшем вопрос автономии, была рассмотрена земельная политика советской власти. Съезд принял решение закрыть для переселения незаселенные участки, вырезанные из землепользования бурятского населения; земли, отчужденные из землепользования бурят и переданные в пользование

казачьему населению, в последние десятилетия фактически не находящиеся в их пользовании, но сдававшиеся в аренду бурятам, должны быть возвращены бурятскому населению, нуждающемуся в земельных угодьях [Шулунов 1972: 140]. Съезд постановил провести обследование хозяйств бурят, определить нормы надела для эффективного ведения хозяйства, организовать землеустроительные работы в местах незавершенного межевания земли и вызывающие споры.

9 января 1922 г. была создана Бурят-Монгольская автономная область (БМАО) в составе РСФСР. На основе аймаков, созданных на общенациональных съездах, были сформированы как административно-территориальные единицы Аларский, Боханский, Тункинский, Селенгинский и Эхирит-Булагатский аймаки. Одним из первых шагов ревкома БМАО стало внесение 12 апреля 1922 г. в Федеральный комитет Наркомзема представления о немедленном закрытии колонизационного фонда до разрешения вопроса земельного устройства старожильского населения. Главной задачей стала ликвидация чересполосицы. «Потравы и другие нарушения границ при таком тесном соседстве чуждых между собой частей населения являются обычными. В последние годы были случаи насилия со стороны бурят, заставившие некоторых переселенцев выселиться» [Бурят-Монгольская автономная область... 1922: 39].

На заседании малого совета Иркутского национального комитета 22 апреля 1922 г. было принято постановление: 1. Поземельное устройство вплоть до решения земельного вопроса Всесибирским учредительным собранием считать явлением нежелательным. 3. Считая необходимым участие самих бурят в разрешении вопроса о поземельном устройстве, просить Бурнардуму образовать при себе специальную комиссию из лиц более или менее компетентных для пересмотра и выработки нового законопроекта об инородческом землепользовании [Национальное движение... 1994: 180].

Таким образом, в течение 1897–1917 гг. предбайкальские буряты лишились 53,3 % земли, буряты Балаганского уезда, более всех занимавшиеся земледелием, потеряли 62,4 % своих земель [Серебренников 1925: V]. В среднем на душу бурятского населения в 1887–1889 гг. приходилось 20,3 дес. удобной земли, к 1922 г. этот показатель сократился до 8,20 дес. [Бурят-Монгольская автономная область... 1922: 33–34].

Наибольшему сокращению подверглось земледельческое хозяйство бурят: за 1916–1920 гг. посевная площадь уменьшилась на 30 %, за 34 года общая площадь посева сократилась на 60 %, т. е. «более чем вдвое, причем последние годы процесс репрессирования хозяйства пошел весьма быстрым темпом, дав за 4 года ту же убыль, что и за предыдущие 30 лет» [Там же: 45]. Что касается Селенгинского аймака, то, по данным отчета, посевная площадь выросла, хотя авторы отчета отмечают, что данные по Селенгинскому аймаку, вошедшему в состав автообласти, недостоверны.

Землеустроительные работы проводились в рамках обычного землепользования русских крестьян. Это делалось для сокращения земельных пространств бурятского хозяйства, с тем чтобы они с кочевого образа жизни перешли на оседлый. Однако земледелие у предбайкальских бурят не получило такого развития, как у русских крестьян. Земледелие в бурятских хозяйствах было менее эффективным, чем в русских. Об этом свидетельствует доля маломощных бурятских хозяйств, которая была больше среди оседлых бурят. Бурятское пашенное хозяйство было примитивным, по сравнению с русским, и меньше втянутым в торгово-рыночные отношения. Кроме того, величина распахки не позволяла перейти на земледельческий тип хозяйствования. Урожайность полей бурятского хозяйства была ниже, чем у русских крестьян, что было связано с отсутствием агротехники и примитивностью земледельческих орудий.

Традиционный хозяйственно-бытовой уклад бурят в 1900–1923 гг. изменился, но не исчез до конца. Следует согласиться с определением губернским съездом предбайкальских бурят (г. Иркутск, 7–12 апреля 1917 г.) хозяйственного уклада бурят Иркутской губернии как скотоводческо-земледельческого.

Распространение земледелия среди бурятского населения было насильственным и носило русификаторский характер. Чересполосица русских и бурятских наделов вела к отсутствию единой территории заселения бурятами и делала их экстерриториальным

народом. Вытеснение традиционного вида хозяйствования – кочевого скотоводства земледелием не имело экономической основы и носило политический характер. Проблема неравномерных и запутанных земельных отношений была своеобразно решена БМАССР в процессе коллективизации сельского хозяйства.

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 438, оп. 1, д. 4.

Бабаков В. В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917–1919 гг. / В. В. Бабаков. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2012. – 147 с.

Богданов М. Очерк бурятского хозяйства в Иркутской губернии / М. Н. Богданов // Сибирские вопросы. – 1908а. – № 29–30. – С. 52–63.

Богданов М. Н. Иркутские буряты и землеустройство / М. Н. Богданов // Сибирские вопросы. – 1908б. – № 31–32. – С. 38–50.

Богданов М. Землеотводные операции и буряты Иркутской губернии / М. Н. Богданов // Сибирские вопросы. – 1908в. – № 35–36. – С. 26–32.

Бурят-Монгольская автономная область (экономическое и статистическое исследование). Отчет Совету труда и обороны на 1-е октября 1922 года. – Иркутск: Первая гос. тип., 1922. – 202 с.

История Бурятии: в 3 т. Т. III. XX–XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.

Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. – Улан-Удэ: Сибирь, 1994. – 198 с.

Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Т. 1 / И. И. Серебренников. – Верхнеудинск: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1925. – 226 с.

Хаптаев П. Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа / П. Т. Хаптаев. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1942. – 198 с.

Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 гг.) / Н. Д. Шулунов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 492 с.

References

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. 438, op. 1, d. 4.

Babakov V. V. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Buryatii v 1917–1919 gg. / V. V. Babakov. – Ulan-Ude: IPK VSGAKI, 2012. – 147 s.

Bogdanov M. Oчерk buryatskogo hozyajstva v Irkutskoj gubernii / M. N. Bogdanov // Sibirskie voprosy. – 1908a. – № 29–30. – S. 52–63.

Bogdanov M. N. Irkutskie buryaty i zemleustrojstvo / M. N. Bogdanov // Sibirskie voprosy. – 1908b. – № 31–32. – S. 38–50.

Bogdanov M. Zemleotvodnye operacii i buryaty Irkutskoj gubernii / M. N. Bogdanov // Sibirskie voprosy. – 1908v. – № 35–36. – S. 26–32.

Buryat-Mongol'skaya avtonomnaya oblast' (ekonomicheskoe i statisticheskoe issledovanie). Otchet Sovetu truda i oborony na 1-e oktyabrya 1922 goda. – Irkutsk: Pervaya gos. tip., 1922. – 202 s.

Istoriya Buryatii: v 3 t. T. III. XX–XXI vv. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2011. – 464 s.

Nacional'noe dvizhenie v Buryatii v 1917–1919 gg. Dokumenty i materialy. – Ulan-Ude: Sibir', 1994. – 198 s.

Serebrennikov I. I. Buryaty, ih hozyajstvennyj byt i zemlepol'zovanie. T. 1 / I. I. Serebrennikov. – Verhneudinsk: Buryat-Mong. kn. izd-vo, 1925. – 226 s.

Haptaev P. T. Kratkij oчерk istorii buryat-mongol'skogo naroda / P. T. Haptaev. – Ulan-Ude: Buryat-Mong. kn. izd-vo, 1942. – 198 s.

Shulunov N. D. Stanovlenie sovetskoj nacional'noj gosudarstvennosti v Buryatii (1919–1923 gg.) / N. D. Shulunov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1972. – 492 s.